

ЗНАКОМЬТЕСЬ!
АВТОР АЛЬМАНАХА
„СТАВРОПОЛЬЕ“

ЮРИЙ НОВИКОВ

Нам необходимо обследовать Тонкинский залив и прилегающие воды Южно-Китайского моря, определить, какая рыба и животные населяют эти воды, какими орудиями лова можно вести добычу, научиться применять эти орудия добычи и научить всему этому вьетнамских друзей. У ученых, входивших в состав экспедиции, была обширная научная программа.

Ночью обещанный «слабый до умеренного» достиг силы, шторма, а через несколько часов бушевал ураган. Идти прежним курсом было опасно и, развернув судно носом на волну, стали штормовать. Определить место судна не представлялось возможным. Антенна радиолокатора не вращалась из-за сильного ветра, а стена снега и брызг закрыла все вокруг. Пользуясь тем, что бортовая качка несколько уменьшилась, матросы привязали киноаппарат к столу в кают-компании и с восторгом смотрели какой-то музыкальный фильм, руководствуясь принципом — «помирать, так с музыкой».

Механик, поднявшись на мостик, угрюмо посмотрел на бушующее море и пробормотал: «Еще немного, и моя жена получит за меня все, что причитается по страховому полису»...

На другие сутки ветер стих до силы шторма, и мы определились. Легли на обратный курс и благополучно вышли на фарватер. Наконец прошли Цусиму и ветер стал почти попутным. После залива Нагасаки стали встречаться японские промысловые суда. Японские рыбаки махали нам косынками и весело орали: «Руся! Здравстуй!...»

Тихий океан встретил нас приветливо. Легкая зыбь подхватила судно и помчала в голубую даль. Тихий муссон гнал к югу белые облака, а чайки с криком летели за судном. Это было прекрасный день, правда, единственный за весь переход. Только американские авианосцы на горизонте портили картину покоя.

Проходим остров Окинава — современное пиратское гнездо. Читаю в лоции: «На южной части острова сооружено 25 американских аэродромов...» «На северной части острова водятся в изобилии змеи...» Да, обе части острова стоят друг друга.

Случайно услышали передачу радиостанции «Голос Америки», которая

„ОНДА“ УХОДИТ НА ЮГ

ШТОРМОВЫЕ МИЛИ

Зима. Судно стоит в порту Владивосток. Злой и колючий норд-вест с треском полещет алое полотнище государственного флага на гафеле и флаг отхода.

Мы уходим на юг. Мы — это небольшое научно-поисковое судно «Онда» и восемнадцать человек экипажа. Представители порта с сомнением смотрели на наше маленькое суденышко, облепленное льдом и снегом, которому предстоял долгий переход в год длиной через три моря и океан. Врачи давали последние наставления старшему помощнику о режиме экипажа в тропиках, а провожающие хлюпали носами и вытирали с лица снег и слезы. Всем было ясно, что плавание будет тяжелым. Команда стояла на палубе в ожидании отхода и озабоченно потирала места многочисленных укулов и прививок от чумы, холеры и чуть ли не от «дурного глаза».

Наконец портовые формальности закончены и судно отходит от причала. Прогноз погоды хороший. Ветер «слабый до умеренного», без осадков. Но Японское море не оправдало надежды синоптиков и встретило нас крепким ветром и ударами холодных волн. «Онда» подпрыгивает на волнах, но упорно идет по курсу. Впереди путь около 3 000 морских миль. Наша задача очень сложная.

находится на острове Окинава. Передача касалась непосредственно нас. Диктор сообщал, что из порта Владивосток вышла экспедиция, направляющаяся во Вьетнам с научной целью, но это-де все ширма, а у экспедиции цель военного характера. Это было, конечно, наглой ложью, и если бы автор этого сообщения услышал реплики экипажа, то ему пришлось бы долго краснеть...

Созвездие Южного Креста мрачно сверкает над горизонтом. Наши звезды ярче, да и небо приветливей.

На восьмые сутки плавания показались Филиппинские острова. Проходим пролив и острова Бабуян, воспетые Гончаровым в «Фрегате «Паллада». Но от девственных лесов, которыми восхищался писатель, не осталось следов. Только несколько плантаций кокосовых пальм украшают эти, когда-то прекрасные острова. С левого борта виден большой остров Лусон. Зелень берега манит к себе. Но приближаться опасно. Именно здесь были задержаны с провокационной целью несколько советских рыболовных судов и недалеко отсюда произошла трагедия танкера «Туапсе». Некоторые господа право свободы морей истолковывают по-своему.

Мимо судна пролетает самолет с опознавательными знаками ВВС США, оказывается, не только чайки летают над морями... Выходим, в Южно-Китайское море. Маяк мыса Борхеадор исчезает за гребнями волн, которые упругой стеной катятся с севера. Временами волну прорезает плавник акулы.

Но большую часть времени только синее безмолвие окружает нас. По надстройке прыгает воробей, неизвестно откуда появившийся на судне. Решили, что воробей наш, советский. Воробей подмигивает желтым глазом и охотно ест крошки. Боцман жалеет, что это — не курица.

На двенадцатые сутки открылся черной громадой гор остров Хайнань. Его берега охраняют далеко выступающие в море мели и россыпи рифов. В Тонкинском заливе шторм сменился полным штилем и дождем. Наконец показали берега полуострова Индокитай, в северной части которого находится Демократическая Республика Вьетнам...

«ЛЬЕН-СО, ВЬЕТНАМ, МУНАМ!»

У входа в канал Маритим нас встречает колонна рыболовных кутерров, украшенных флагами расцвечивания. На каждом судне множество вьетнамских друзей, которые встречают нас. Они размахивают маленькими

красными флажками и скандируют хором: «Льен-со мунам». (Да здравствует Советский Союз).

Лоцман осторожно подводит судно к причалу, на котором стоят тысячи людей с транспарантами, флагами и цветами. Оформление прихода судна в порт заняло несколько минут, и экипаж, сойдя на берег, попадает в море улыбок и рукопожатий. Девушки в пестрых национальных нарядах преподносят всем огромные букеты цветов, а пионеры повязывают каждому красный галстук и тоже дарят цветы. Затем... затем мы не могли уже удержать столько цветов. Вся команда очень смущена. Мы, моряки, привыкли ко всему, но только не к таким встречам. Митинг открывает секретарь городского комитета Партии Трудящихся Вьетнама. Он говорит о дружбе советского и вьетнамского народа, о бескорыстной помощи Советского Союза. Все выступавшие на митинге вьетнамские друзья заканчивали свое выступление словами: «Льен-со, Вьетнам, мунам!» (Да здравствует Советский Союз и Вьетнам!). Митинг окончен, но встречающие долго не расходятся, расспрашивают нас о жизни в советской стране, о нашей работе. Едва экипаж вернулся на судно, как всех снова пригласили на второй митинг, ибо не все желающие присутствовали на первом.

Снова приветствия, цветы и рукопожатия.

После второго митинга на палубе судна — масса гостей. Среди них пионеры, представители общественности и учащиеся. Многие пришли в гости целыми семьями. Смех не умолкает ни на минуту.

Дело в том, что мы пришли в канун Нового года. Экипаж, попавший прямо с «корабля на бал», держался очень скромно, как и подобает советским морякам.

Утром, несмотря на усталость, стали готовиться к выходу в первый научный рейс. Едва только открыли трюм, чтобы выгрузить оттуда груз запасных частей и различного оборудования, как у борта появилась «комиссия по наблюдению за перемирием» и стала наблюдать за выгрузкой. Очевидно, кое-кто «клюнул» на приманку «Голоса Америки». Долговязый канадец в зеленом берете и индус в чалме, томясь от жары, уныло смотрели на быстрорастущую гору сетей и ящиков с приборами. Убедившись, что никакого оружия нет, комиссия ушла. Во время отлива, когда выгрузка стала невозможной, часть экипажа сошла на берег, чтобы посмотреть порт и город Хайфон.

Только экипаж вышел из ворот порта, как их сразу окружила веселая толпа ребятишек и повела показывать город. Хайфон небольшой, но чистый и красивый город. Жители заботятся о чистоте и порядке на улицах. Нигде нет урн, но не видно и мусора. Дорога из порта похожа на зеленый тоннель, настолько сплелись цветущие ветви мимоз и высоких фикусов. Небольшие белые дома скрываются в тени пальм и деревьев. Светло-зеленые заросли «китайской» розы чередуются с цветущим олеандром. Все залито солнечным светом, ярким и ослепительным.

До революции вьетнамцы жили в жалких лачугах на окраине города, а лучшие дома занимали французы и их приспешники. Теперь все народное.

Неожиданно раздались звуки колокола католического собора. Громадный собор, который мы увидели, не один в городе. Колонизаторы не жалели денег на строительство соборов, но тратили гроши для образования народа. Но кумирни и соборы — это Вьетнам прошлого. Жизнь бурной рекой текла мимо них. Шли пионеры в красных галстуках, рабочие торопились к своим станкам, и, заслоня шпили соборов, в небо устремились высокие трубы новых заводов и фабрик.

К нам подошел молодой вьетнамец — студент советского института. Прохожие обступили нас, и завязалась беседа. Пожилой вьетнамец рассказывал о тяжелых днях колонизации страны. А когда французы оставляли страну, то они увезли все, что можно было погрузить в трюмы пароходов. Что оставалось, все приводилось в негодность. Цементный завод был разрушен, многие предприятия в городе разграблены и сожжены. «Но теперь это наше,— говорит он, — и мы все восстановили с помощью наших друзей».

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Президент республики Хо Ши Мин посетил экспедицию внезапно. Мы уже были готовы к выходу в море, когда переводчик сообщил начальнику экспедиции, что сейчас приедет президент. Никто не ожидал визита такого высокого гостя, и все очень волновались. Но наши волнения были напрасны. Более простого и более чуткого и душевного человека трудно встретить. Седой, с высоким лбом и живыми черными глазами, он просто поздоровался с членами экспедиции и, весело смеясь, стал расспрашивать всех о здоровье, не трудно ли в тропиках, хорошо ли

все отдохнули. Он пробыл в экспедиции около часа, но его посещение и отеческая забота надолго остались в памяти каждого моряка.

Получив разрешение на выход из порта, мы отправились в первый рейс. Вечером подошли к островам Норуэй. От них и решили вести поиск. Наше судно было вооружено специальной аппаратурой, которая позволяла обнаруживать косяки рыбы впереди судна на значительном расстоянии и в толще воды. Акустик Г.С. Вакуров через некоторое время доложил по микрофону на мостик о том, что впереди судна замечен косяк рыбы. Эхолот зарегистрировал этот косяк. Через час на палубе серебрились первые центнеры сардины. Но это только начало. Надо знать, где концентрируется сардина в косяки, когда, куда и насколько времени уходит. Так постепенно стали исследовать Тонкинский залив.

...Это случилось около полуночи. Вахтенный разбудил меня и сказал, что видит тень, которая приближается к нашему судну. Луч прожект тора, который быстро включили, выхватил из темноты небольшое судно, приближавшееся к нам без огней и сигналов. На палубе этого судна стояло около тридцати человек. Я крикнул по-английски, чтобы судно остановилось. Это же повторил переводчик по-вьетнамски. Но судно продолжало приближаться. Тогда пришлось употребить обыкновенное русское крепкое словечко, после чего неизвестное судно остановилось. Это было не совсем дипломатично, но зато веско и убедительно. Экипаж был поднят по тревоге. Долгое время все молчали. Переводчик спросил название судна и цель его подхода к нам. Но ответа не последовало. Через некоторое время неизвестное судно развернулось и исчезло в темноте.

Утром был получен прогноз погоды, который «предвещал» продолжение шторма, и мы решили зайти в порт, чтобы пополнить продовольствие. Когда все узнали о нашем происшествии, вьетнамские товарищи сказали нам, что южно-вьетнамские власти решили помешать экспедиции. С этой целью из порта Туран, в Южном Вьетнаме, будут выходить суда, чтобы навредить нам любым способом, поэтому нам следует быть настороже. Это и объяснило «ночной визит» неизвестного судна. Подобное сообщение было, конечно, не из приятных, но мы были уверены, что всё будет благополучно, ибо друзей у нас больше, чем врагов.

Так, с поисками и приключениями продвигались все дальше на юг. Но в один из дней нас постигла неудача. В невод попало

несколько огромных акул. Они не только разогнали всю рыбу, а вдобавок порвали сеть. Для ремонта сетей решили стать на якорь в бухте Вунг-Ха. Бухта эта расположена далеко от больших населенных пунктов и почти совсем не посещается судами. На подходе к бухте в бинокль хорошо было видно несколько лодок на берегу и толпа около них. Но только судно миновало входной мыс Муй Донг, как берег опустел, а из небольшого поселка, скрытого за зарослями казуарин, раздались удары в гонг — тревога!

Недалеко от развалин старинного храма на берегу отдали якорь. Работы по ремонту невода было много, поэтому взялись работать в две вахты. Свободные от вахты решили сойти на берег, уж очень манил к себе золотой песок пляжа, Берег по-прежнему был пустынен, и гонг умолк. Но никто не придавал этому значения. Едва шлюпка коснулась берега, как ее окружила толпа мужчин. Сомкнувшись плотным кольцом вокруг шлюпки, они молча смотрели на моряков. Их лица выражали ненависть. От такого приема всем захотелось опять на судно. Но стоило только нашему радисту сказать: «Льен-со», как обстановка мигом изменилась. Дружеские руки помогли всем сойти на берег. Ведь советские моряки — первые советские люди, которых здесь увидели. Позднее мы узнали, что французы настолько притесняли местное население, что теперь любой иностранец кажется им врагом. Но советский человек — это друг. Через час судно обступила целая флотилия джонок. Нас теребили, шупали и рассматривали, как какое-то чудо.

Через два дня все радиостанции передали в эфир тревожное сообщение — приближался тропический ураган — тайфун. Снова пришлось идти в шхеры. Но нас предупредили, что это опасно и надо идти в бухту Халонг, где расположен порт Хон-Гай.

У причалов порта Хон-Гай мы стали на рейде. Нас пригласили посмотреть добычу угля на местных копях. То, что мы увидели, нас поразило. Большая высокая гора, которая возвышалась над городом, была целиком из угля. Несколько десятков метров антрацита. Рабочие-шахтеры очень тепло встретили нас и рассказали, что, благодаря советским специалистам и технике, добыча возросла в несколько раз. Экскаваторы ломали угольную гору, а огромные «МАЗы» везли уголь на склад.

Шахтеры довольны своим трудом. Они показали сверкающие белизной и чистотой общежития, школу и больницу.

«Об этом мы когда-то и не мечтали», — говорят они.

Вечером после работы шахтеры шли в школы. Учатся все: и старики и молодежь.

Ураган налетел ночью. Потоки ливня ветер нес почти горизонтально над водой. Судно металось на якорь, кренясь от ветра. Утром мы узнали, что потоки ливня нанесли большой ущерб угольным разработкам: смыто оборудование, разрушены дороги. Но все было восстановлено в короткий срок. На память о пребывании судна в порту шахтеры подарили нам красивые статуэтки, сделанные из угля, а местные жители принесли несколько прекрасных кораллов.

...Появился новый враг — акулы. Особенно опасной была акула-молот, с огромной пастью и туловищем длиной в несколько метров. Когда в невод попадали тунцы, голодные акулы набрасывались на капроновую сеть и разрывали ее в клочья. Все лето мы определяли местонахождение косяков тунца.

БОЙ БЫКОВ

В одну из стоянок судна в порту экипаж пригласили посмотреть бой быков в селении около полуострова До-Сон. Все согласилось, хотя переводчик сказал, что зрелище будет «кровавым» и потребует крепких нервов. Через несколько минут автобусы везли нас к месту боя. Проехали аэродром Кат-Ба, некогда крепость колонизаторов. С этого аэродрома поднимались самолеты на обстрел и бомбежку мирных селений. Буйволы — основной рабочий скот у крестьян Вьетнама, и самолеты охотились за буйволами на полях, уничтожив несколько десятков тысяч этих животных. Во время освободительной войны партизаны решили уничтожить аэродром. Об этой операции рассказывал нам один из участников. Семь рядов проволочных заграждений окружали аэродром. Между колючей проволокой проходило два пояса минного поля. Сильная охрана день и ночь не смыкала глаз. Казалось невозможным пройти незамеченным к аэродрому. Но партизаны несколько дней, скрываясь в болотах, ползли к нему и, проникнув на аэродром, взорвали и сожгли несколько десятков самолетов. Операция была проведена настолько молниеносно, что французы не сразу поняли, что произошло. Партизаны отошли с боем, но без потерь. Только один человек был ранен...

...На поле боя быков вышли представители провинций в красочных нарядах

из цветного шелка. Затем начался ритуальный танец с флагами провинций. И вот по полю повели быков, покрытых цветными попонами. Вели за тростинку, протетую через ноздри, чтобы бык был смиреннее. Народ криками одобрял или порицал животных, а ведущие быков громко восхваляли их достоинства.

Первую пару вывели на центр поля и, выдернув из ноздрей тростинку, оставили одних. Быки долго рыли землю ногами и злобно мычали. И вдруг номер «1» повернулся и быстро стал удирать с поля под свист и улюлюканье зрителей. Номер «2» догнал труса и одним ударом выбросил его с поля. После такой легкой победы разъяренное животное, пригнув голову, помчалось на зрителей. Хозяева быка пытались остановить его, но тот легко отбросил одного, а с другого, поддев рогами, сорвал штаны. Свист и громовой хохот только больше злили быка. Толпа расступилась перед бегущим животным.

...Чемпионом боев стал номер «5», которого провели по полю, покрытого попоной победителя.

Затем начались соревнования по национальной борьбе. Но, к сожалению, нам пора было на судно, и мы уехали.

Вечером мы вышли я море. Вьетнамцы, которые находились у нас на борту, старательно изучали все, что им было необходимо для поиска и добычи рыбы. Они использовали любую минуту, чтобы учиться.

...Однажды кто-то спросил их о свадебных обрядах. Они рассказали, что обычай требует длительного знакомства с девушкой, что-то около трех лет. У них очень редки случаи развода или скандалов в семье. О любви «с первого взгляда» они узнали из кинофильмов. Вскоре случай предоставил нам возможность побывать на свадьбе.

Вьетнамцы очень гостеприимны, и когда моряки проходили мимо дома, где была свадьба, родители жениха пригласили их. У входа в зал, украшенного цветными фонарями и цветами, гостей встречают жених с невестой и родственники. Несколько столов украшены цветами и зеленью. Когда все рассядутся за столы, несколько человек произносят напутственные речи и преподносят подарки. После чего все пьют чай со сладостями и фруктами. Жених одет в обычный костюм, невеста в белых шароварах и в голубом узком халате с разрезами от пояса. Спиртных напитков на свадьбах нет, но танцуют и веселятся все до поздней ночи. Нашим морякам очень понравилась свадьба.

ДЖУНГЛИ

После нескольких месяцев плавания судно стало на небольшой ремонт в порту Хайфон. Ремонт начался, а для экипажа наступили ночи с «кошмарами». Я первый выскочил из каюты. Дело в том, что поздней ночью, мне ясно показалось, что меня кто-то собирается съесть. Проснувшись, я увидел два больших зеленых глаза, которые пристально смотрели на меня, и услышал щелканье челюстей. В одно мгновение я выскочил на палубу, где в дикой пляске корчился вахтенный матрос, угодивший на берегу в гнездо желтых муравьев.

В моей каюте обнаружили огромного коричневого жука, величиною с блюдце. Но научные работники авторитетно заявили, что людей он не ест. Однако утром выяснилось, что за ночь летающие тараканы съели у одного научного сотрудника штаны, а у другого — портфель.

Вьетнамские товарищи предложили части экипажа поехать на несколько дней в места, где более спокойно. Нас привезли на вершину горы, где расположены здания для отдыха. Когда-то здесь был первоклассный французский курорт. Но слава о нем была настолько печальной, что вьетнамские партизаны уничтожили все постройки. Джунгли быстро поглотили развалины. Сейчас сооружено несколько деревянных домов. Здесь прохладней, чем в долине, температура всего 30 градусов. Вокруг построек зеленой стеной стоят джунгли. Вечером нас предупредили, чтобы ночью никто не вставал босой с кровати — здесь много ядовитых змей и сколопендр, а также опасно выходить из домов, так как прошедшей ночью тигр унес поросенка и продолжает бродить вокруг. Вот так «спокойное» место! Ночь началась звоном цикад и дикими криками из джунглей. Ничего не поделаешь, в джунглях свои законы.

...С горы далеко видно вокруг. На горизонте — в сизой дымке Бьен-Дьен-Фу, где был дан решающий бой французским колонизаторам. Этот сильно укрепленный район они считали неуязвимым для партизан. Кругом — непроходимые горы. В тылу — племя таи, которых французы считали «надежными».

Все жители окрестных селений были согнаны в концентрационные лагеря. Партизаны около трехсот километров по непроходимым джунглям тащили на себе разобранные орудия и, установив их на скалах,

стали сыпать снаряды на французские укрепления. А в долине метр за метром к укреплениям продвигались воины народной армии. Бьен-Дьен-Фу пал, а вместе с ним пала власть колонизаторов в стране.

Каратели жестоко расправлялись с непокорными. Позднее нам приходилось видеть фотографии с частоколом, на котором были нанизаны головы партизан. Или такие снимки: здоровенный молодчик из «иностранный легиона» держит вилку с человеческой головой... Многие рассказывают об ужасных пытках, которым подвергали людей. Интервенты врывались в селения и, привязав мужчин к деревьям, на их глазах глумились над их женами и дочерьми. Теперь об этих днях вспоминают с ненавистью. Но ничто не сломило воли народа в его стремлении к свободе, и он вышвырнул врагов со своей земли.

ХАНОЙ

Вьетнам по-русски — это солнечная страна. И столица страны тоже солнечная и красивая». Дорога, ведущая в столицу из порта Хайфон, серой лентой вьется среди рисовых полей. Вдоль нее много старых французских дотов с ржавыми орудийными башнями.

Проезжаем мост длиною в два километра через широкую реку Красную. За мостом начинается город Ханой — город-парк.

По центральным улицам города движется поток велосипедистов, среди которых пробивает себе дорогу маленькая открытая платформа городского трамвая. Названия улиц самые разнообразные. Нам показали улицу «Чемоданов», улицу «Шелковую» и много других, название которых связано с мастерскими, расположенными здесь.

Нам предложили осмотреть древний буддийский храм. Большое одноэтажное здание.

Храм произвел на нас впечатление хорошего музея.

А вот и музей современностей — на площади лежат остатки сбитого американского самолета. Группа диверсантов с оружием и ядом пыталась проникнуть в Республику, но вот так завершила свое путешествие. Народ Вьетнама бдительно охраняет свои границы...

Около здания университета нас окружают студенты. Вопросам нет конца. В городе несколько специальных учебных заведений. Вьетнам готовит свои национальные кадры.

Поздним вечером мы покидаем

гостеприимный город.

«НЭНСИ» ПЕРЕСЕКАЕТ КУРС

Наш экипаж пробыл в дружественной стране полтора года. Наступил день, когда мы уходили домой на родину. На прощальном митинге всему экипажу были вручены правительственные награды и подарки от друзей. Проводить нас приехал премьер-министр ДРВ товарищ Фам-Ван-Донг. Он сказал экипажу много хороших, теплых слов.

...Выходим из реки в море. Оно неприветливо, ревет штормовыми волнами. Судно с большим трудом продвигается по курсу. Только на седьмые сутки подошли к проливу Лусон, который известен, как место наиболее вероятной встречи с тайфуном. Осень—пора тайфунов. Мы надеялись благополучно пройти это опасное место, но через несколько часов радист принесил тревожное сообщение: приближался тайфун «Нэнси». Севернее «Нэнси», отрезая нам дорогу назад, шел тайфун «Офелия». Каждому тайфуну дают порой романтическое название. Но за красивым именем скрывается смерть...

Решили по левому крылу урагана «Нэнси» зайти ему в тыл, ибо тайфун при движении может иногда описывать сложные кривые.

Но здесь пришлось столкнуться с ничем не объяснимой подлостью. На наш запрос сообщить координаты тайфуна радиостанция порта Манила запросила наши позывные, а узнав, что это советское судно, прекратила работу. Радисту пришлось подслушивать работу других судов, требующих прогноза от порта Манила.

...Дважды судно кренилось так, что казалось, пришел конец плаванию. Эфир был полон тревоги. Где-то погибал английский пароход. Мы приняли только сигнал бедствия, и связь прервалась. Наверное, на этом судне сорвало антенны в момент подачи сигнала бедствия.

На вторые сутки «Нэнси» прошел на Японию, а ураган стих до шторма. Через несколько дней мы узнали, что в этот ураган погибло около двухсот судов и сотни людей. Наше судно отделалось большими вмятинами, но корпус выдержал. Месяц спустя, когда «Онда» была в доке, все увидели: швы между листами обшивки были настолько слабы, что задержись «Нэнси» еще на несколько часов, и мы бы имели счастье покоиться на самой большой глубине океана — филиппинской впадине.

Прошло семнадцать суток штормового перехода. И вот рано утром показались берега родины. Трудно описать волнение, которое охватило людей. А вечером мы подходили к причалу.